
МАКС ФРАЙ

НЯПИЗДИНГ,
СЭНСЭЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Книга публикуется
в авторской редакции

Фрай, Макс
Ф82 НяпиZдинг, сэнсэе / Макс Фрай. — Москва:
АСТ, 2015. — 288 с. — (Миры Макса Фрая
(илл. Фerez).

ISBN 978-5-17-137584-3

О содержании этой книги с уверенностью можно сказать одно: Заратустра ничего подобного не говорил. Но наверняка не раз обо всём этом задумывался. Потому что вопросы всё больше простые и очевидные.

Собственно, Макс Фрай всего этого тоже не говорил. Зато время от времени записывал — на бумажных салфетках в кафе, на оборотах рекламных листовок, на пополах слонов, поддерживающих земную твердь, на кучевых облаках, в собственном телефоне и на полях позавчерашних газет. Потому что иногда записать — это самый простой способ подумать и сформулировать.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137584-3

© Макс Фрай, текст, 2024
© Екатерина Фerez, илл., 2024
© ООО «Издательство АСТ»,
2024

Капитан Очевидность умер,
и теперь все позволено.

А

Автор текста должен быть равновелик (как минимум) своему замыслу, поднятая тема должна помещаться в него целиком. Это недостаточное, но совершенно необходимое условие успешного решения задачи.

Поэтому так много талантливых и интересных житейских историй (любого формата, включая дневниковые записи). И поэтому же очень мало кому удастся писать о любви и смерти так, чтобы читать не было стыдно, скучно и тошно.

И совсем уж мало кому — о непостижимом и неопределённом.

Точно знать, что в тебя помещается, а что нет, гораздо важнее, чем иметь большие размеры себя. Потому что размеры наращиваются постепенно, как мышцы в ходе тренировок, дело житейское. Но тренировки начинаются только после того, как заканчиваются мучительные и бессмысленные попытки засунуть слона в прикроватную тумбочку.

Б

Бог дается (или не дается) человеку в ощущениях, поэтому вопрос «есть ли Бог?» из числа самых бесполезных. Ощущения — штука зыбкая, переменчивая. То есть, то нет. То — бац! — опять есть.

Разнообразные ритуалы придумывались для появления сходных ощущений у достаточно большого числа представителей текущей культуры. Храмы замышлялись как «места силы», где ощущения обостряются. Вряд ли можно изобрести ритуал, который будет воздействовать на всех; с местом несколько проще, есть такие, где вообще все хоть что-то дополнительное чувствуют. Как интерпретируют — это уже не очень важно.

Вера, строго говоря, просто доверие собственным ощущениям. А дискуссии совершенно бесполезны, Бог — штукавина сугубо практическая, а не теоретическая, чего тут обсуждать.

Бог — это то, наедине с чем мы остаёмся, когда нас нет.

А способов попробовать, что такое «меня нет» великое множество. Каждый в отдельности мало кому подходит; всякому подходит хоть что-нибудь.

Чего тут думать, прыгать надо, прыгать. Прыгать.

Больше всего на свете люблю, когда моя картина мира трещит по швам. Почаще бы она это делала!

Потому что, во-первых, у меня такая базовая картина мира, что... Короче. Свифта читали? Так вот, он по сравнению со мной сущий ангельчик.

Примерно девяносто процентов осколков Андерсеновского зеркала осели в моих глазах. Остальные десять были честно поделены между прочим человечеством.

Я, конечно, умею приводить свою картину мира в более-менее пристойный вид. Каждый день этим занимаюсь с самого раннего детства. Такой тяжёлый труд, что на остальные действия почти не остается сил. Хотя у меня их много.

Но даже будучи приведённой в порядок моя картина мира — и это уже во-вторых! — неполна и несовершенна. Потому что мне приходится пользоваться умом человеческим аналитическим одна штука. Другого не завезли. А человеческий ум просто не способен вместить картину мира, более-менее приближённую к полной и совершенной.

Поэтому всякое обрушение своей картины мира я считаю очередным уточнением.

И надо сказать, за годы жизни моя картина мира уточнилась, так сказать, в обе стороны. В смысле, всё даже хуже, чем мне с самого начала казалось. Но при этом намного лучше! И это совсем не парадокс. А просто очередное уточнение.

Будем честны, почти никто из людей не имеет вообще никакого моста к своей подлинной природе (пока не займется специальными практиками, да и то большой вопрос, получится ли хоть что-то при жизни). При этом каждый человек ощущает дикий голод на этом месте (вопрос лишь в том, осознает он или нет, а если осознает, то под наркозом, или вживую).

Этот голод кормится, по большей части, фантазиями. Фантазии, конечно же, вполне себе могут подкрепляться удивительными ощущениями и прочей условной плотью. Потому что заполнить именно эту дыру человеку надо позарез.

Это вопрос не просто жизни и смерти, а бессмертия и небытия. Потому что за бессмертие отвечает подлинная природа, к которой у смертной сиюминутной личности доступа нет.

Собственно, все стоящие практики, как понимаю я сейчас, завязаны на вытаскивание бессмертного сознания в сиюминутность, где оно может сплавиться с личностью, и тогда бессмертной станет именно та личность, которая живет сейчас.

А не только смутное и неопределённое богоподобное нечто, с которым она (личность) вообще не знакома.

Ну и понятно, что никаких серьёзных разговоров на эту тему быть не может, пока нет безупречной внутренней честности, позволяющей сказать (себе же): вот это явно мои фантазии, а это просто сны, а вот это смутное незнамо что, может быть правда обо мне, а может быть тоже неправда, я пока просто не знаю.

Такая честность подобна самоубийству самурая, только еще жёстче, потому что отсекает иллюзию собственного бессмертия, ставит лицом к лицу с небытием.

Если часто практиковать этот невыносимый пиздец, появляется небольшой шанс пойти дальше. Туда, где нас ждёт уже не иллюзия. Вернее, не стопроцентная иллюзия, потому что немножко бессмертного невыразимого в ней тоже есть.

Наверное.

В

В ботаническом саду гуляла пара, мальчик и девочка. То есть, дяденька и тётенька лет двадцати с чем-нибудь, но в состоянии «мальчик и девочка». Очень радостные и довольные жизнью.

Потом они начали фотографироваться. Девочка зашла в самую гущу цветущих лилий и стала там подпрыгивать, размахивая руками и всем своим видом демонстрируя восторг. А мальчик фотографировал, стараясь, как я понимаю, запечатлеть момент прыжка.

Потом они вместе отсматривали результат, и девочка снова шла в цветы радостно прыгать, а мальчик снова щелкал кнопку. В перерывах они оба выглядели озабоченными, усталыми и даже раздражёнными. То есть, как типичные дяденька и тетенька, если называть вещи своими именами.

Потом съёмка наконец закончилась, парочка незамедлительно обрела прежнее блаженное состояние и отправилась бродить среди цветов и трав.

И вот в чём парадокс.

...Правда состоит в том, что этим людям было очень хорошо сегодня в ботаническом саду. Фотография, над которой они бились, призвана, как

я понимаю, задокументировать их в высшей степени позитивные переживания для дальнейшего предъявления гипотетической публике.

Однако для создания эффектной наглядной демонстрации состояния «нам очень хорошо» ребятам пришлось временно выйти из этого состояния.

То есть, в момент производства отчёта о блаженстве хорошо им вовсе не было. Модель старательно изображала визуальные проявления радости, а фотограф старался сделать соответствующий радостный снимок. У них не получалось, но они пробовали снова и снова. Устали от неудач, были раздражены.

Однако в итоге фотография (если она всё-таки получилась) станет совершенно правдивым отчётом о счастливой прогулке в ботаническом саду, вот в чём штука.

То есть, людям пришлось соврать для того чтобы внятно и эффектно сказать правду.

На их месте мог быть (и регулярно оказывается) всякий художник.

В детстве мне часто снился сон про некрасивый массивный дом (так называемый «сталинский», как выяснилось много позже). Как я иду по улице мимо и смотрю на арку, которая ведет во двор, и у меня двойственное чувство — с одной стороны, дом кажется мне таящим угрозу, а с другой, очень притягательным. Так и тянет войти под эту арку, но я остаюсь на месте и просыпаюсь с чувством облегчения — уффф, пронесло.

Во сне мне было известно, что дом этот находится где-то в Одессе.

В Одессе мы тогда проводили около месяца в году — летний отпуск родителей. Мне там была знакома только дорога от нашего дома до пляжа «Дельфин», кладбище на Слободке, куда меня таскали родители, парк имени Ленина возле дома, где мы часто гуляли по вечерам, и улица Дерибасовская, куда мы иногда торжественно (на такси) отправлялись в кафе-мороженое. Сталинского дома с аркой на этих маршрутах не было. Мне, конечно, хотелось его отыскать, но возможности ребёнка в этом смысле крайне ограничены.

...Потом, когда мы вернулись в Одессу, мне было уже девять лет, и мои исследовательские возмож-

ности существенно расширились. Но дом с аркой так и не попался мне на глаза, а потом сны о нем не то чтобы забылись, но перестали казаться чем-то важным, и поиски прекратились.

Когда мне было шестнадцать лет, мне дали на пару дней книгу стихов Арсения Тарковского. Неважно, кто дал и почему, скажу только, что владелец книги сильно переоценивал меня как потенциального читателя.

Поэзия меня в ту пору интересовала крайне условно. Ну, то есть, если пишешь свои стишки (а кто в шестнадцать лет их не пишет), надо иногда читать чужие. Из вежливости, что ли. И, по возможности, прилюдно хвалить — которые складные и не шибко скучные. Чтобы не подумали, будто тебя, кроме собственных стихов ничего не интересует.

Как-то, в общем, так обстояли мои отношения с поэзией.

И вот иду я по городу с книгой Тарковского в сумке. Из центра домой, на проспект Шевченко, незнакомым маршрутом. Потому что игра в Северо-Западный проход, позаимствованная из рассказа Уэллса «Дверь в стене» по-прежнему оставалась для меня столь же увлекательной, как в детстве. Пройти по незнакомым улицам, заблудиться, испугаться неведомо чего, обрадоваться, обнаружив знакомый переулок, и два часа спустя вернуться домой, как из далёкого путешествия — это мне всегда было интересно; более того, жизненно необходимо.